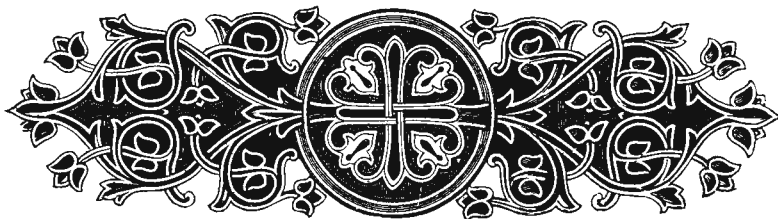

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ДЕКАБРЬ, 1911 Г.

ОЧЕРКИ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ.

ОПАДАЯ первый разъ въ среднеазиатскій городъ, невольно поражаешься унылымъ и пустыннымъ видомъ его улицъ, вьющихся между однообразными глиняными заборами (дувалами), въ которыхъ не видно никакихъ слѣдовъ жилья, кромѣ низенькихъ калитокъ. Но вотъ на нашу удачу изъ-за крутого поворота выѣзжаетъ не спѣша арба; лошадю править туземецъ-узбекъ, сидя на ней верхомъ и опираясь ногами въ оглобли. Нашъ возница и встрѣтившійся арбакешъ принимаютъ своевременно мѣры, чтобы благополучно разъѣхаться и не застрять въ этой улицѣ-щели. Арба тѣсно жмется къ дувалу, заѣзжаетъ однимъ колесомъ на стѣну, и, сильно накрепившись, кое-какъ протискивается мимо насъ или, вѣрнѣе, надъ нами, и не спѣша продолжаетъ свой путь дальше. На улицѣ многого не увидишь. Изрѣдка пройдетъ узбекъ или закутанная съ ногъ до головы въ синій халатъ туземка, или наше неожиданное появленіе разгонитъ, какъ стаю воробьевъ, кучу дѣтишекъ, игравшихъ въ пыли дорожныхъ колеи.

Къ вечеру, а также и въ базарные дни на улицахъ пооживленнѣе, но и усиленное движеніе не скрадываетъ унылости и неуютности этихъ голыхъ щелей, зигзагами прорѣзающихъ городъ и мѣстами превращающихъ его въ такой лабиринтъ, что оттуда не выйти самому безъ помощи провожатата туземца.

Между тѣмъ по ту сторону этихъ мертвыхъ снаружи стѣнъ проходитъ добрая половина жизни узбека, другую половину онъ проводитъ на базарѣ.

Узенькая калитка—единственный свидѣтель жилья—ведетъ насъ во дворъ узбека, обнесенный со всѣхъ сторонъ постройками—домомъ и службами. Сооружаются онѣ чрезвычайно просто, благо главный строительный матеріалъ—глина—подъ ногами. Почва образована лессомъ, особымъ сортомъ глины, которая и употребляется для различныхъ сооружений. Изъ деревянныхъ жердей и

Домъ богатаго узбека въ Самаркандѣ. Видъ со двора.

балоки дѣлаютъ четырехугольный остовъ дома, промежутки закладываютъ лессовыми сырцовыми кирпичами, щели между ними замазываютъ тѣмъ же лессомъ, только жидко разведеннымъ, настилаютъ плоскую крышу, являющуюся въ то же время и потолкомъ, и домъ узбека готовъ. Фасадомъ своимъ онъ смотритъ во дворъ, спиною же на улицу, поэтому и непригляденъ видъ послѣднихъ, такъ какъ оконъ въ туземномъ домѣ не полагается, роль же ихъ

играють оклеенныя бумагой деревянныя рѣшетки надъ дверями, да и тѣ смотрятъ во дворъ. Несложно и внутреннее убранство туземнаго жилища. Потолокъ или расписанъ красками съ золотомъ, или покрытъ рѣзьбой, или сдѣланъ изъ некрашенныхъ балокъ, смотря по достатку хозяина. Глинобитный полъ покрытъ войлоками, коврами, въ стѣнахъ—алебастровыя ниши, замѣняющія наши шкапы; въ углу сложена куча ватныхъ одѣялъ,—вотъ и вся обстановка.

Печей въ комнатахъ нѣтъ, а на случай зимнихъ стужъ пускають въ ходъ особое приспособленіе. По срединѣ глинянаго пола каждой комнаты имѣется четырехугольная яма, въ которую во время холода насыпають горячихъ углей; надъ ней ставятъ табуретъ и покрываютъ его большимъ ватнымъ одѣяломъ. Всякій, кто желаетъ погрѣться или лечь спать, забирается подъ одѣяло, ногами къ табурету и, когда такъ ляжетъ нѣсколько душъ, то получается картина, не лишенная нѣкоторой оригинальности.

Въ этой парадной половинѣ жилья узбека хозяинъ принимаетъ своихъ гостей, семья же его живетъ на другой половинѣ, куда доступъ постороннимъ мужчинамъ строго-настрога запрещенъ. Дворъ второй половины поменьше и погрязнѣе, въ домѣ много всякаго домашнего скарба, необходимаго въ хозяйствѣ; гдѣ-нибудь по близости дома устроена глинобитная печь, въ которой узбечка готовитъ пищу.

Значительную часть времени узбекъ проводитъ внѣ своего дома, чаще на базарахъ, такъ какъ базарная жизнь очень привлекаетъ туземцевъ.

Если мы, выйдя изъ дома узбека, направимся дальше по кривымъ улицамъ, то попадемъ въ концѣ концовъ въ оживленную часть города—на базаръ. Чередующіяся здѣсь съ площадями улицы шире, онѣ заняты различно устроенными туземными лавками. Послѣднія помѣщаются или въ небольшихъ домахъ, фасадомъ своимъ обращенныхъ на улицу, досчатая передняя стѣна ихъ разбирается и открываетъ лавку, полъ которой лежитъ выше уровня тротуара; или лавками заняты деревянныя будки, подпирающія одна другую и рядами тянущіяся по площади. Хозяинъ сидитъ на полу своего торговаго помѣщенія, кругомъ разложенъ и развѣшенъ товаръ, покупатель же обыкновенно остается на тротуарѣ и оттуда ведетъ торгъ съ продавцомъ.

Иногда встрѣчаются и такія лавки, въ которую не можетъ войти даже и самъ хозяинъ. Представьте себѣ въ глиняной стѣнѣ улицы шкапъ глубиною въ четверть или полъ-аршина, закрывающійся досками, вотъ и весь магазинъ, владѣлецъ котораго сидитъ въ немъ, свѣсивъ ноги на узкій тротуаръ и тѣмъ заставляя прохожихъ обходить себя.

Отличительной особенностью большинства среднеазиатских городовъ являются крытые базары. Это рядъ кварталовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое крышей, перекинутой надъ улицами. Пріятно бродить подъ тѣнью ихъ, укрываясь отъ 30—35° жары, и цѣлыя версты можно исходить по его укромнымъ закоулкамъ.

Улица базара близъ мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ.

Лавки крытыхъ базаровъ располагаются рядами по своимъ специальностямъ; рядъ аттари (родъ мелочныхъ торговцевъ), тюбитеекъ (шапочки), чалмъ, сапожный, халатовъ, посуды, мѣдныхъ издѣлій, войлоковъ, ковровъ, хлѣбный и т. д. Среди этихъ лавокъ часто встрѣчаются чайныя лавки (чай-хана) и харчевни (ашъ-хана).

Чай-хана для среднеазиатскаго туземца имѣетъ такое же значеніе, что и кофейня для турка. Здѣсь жители проводятъ свое свобод-

ное время, отдыхая за чаемъ. Тутъ узнають они всякія новости, разносящіяся изъ устъ въ уста такъ же быстро, какъ и по телеграфу. Распространенію различныхъ извѣстій способствуютъ особые глашатаи, роль которыхъ исполняютъ туземцы, обладающіе зычными голосами. Разѣзжая верхомъ по базарамъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, они громогласно объявляютъ то, что поручено имъ нанимателемъ.

Харчевни, приготовляющія всякую туземную снѣдь, устроены курьезно. Главная ея часть—печь въ родѣ плиты, только гораздо длиннѣе. Необыкновенность устройства состоитъ въ томъ, что топки печи своими устьями открываются на улицу; когда же нужно подбросить дровъ, узбекъ идетъ на тротуаръ, гдѣ сложены полѣнья, беретъ ихъ и кладетъ въ печь, нисколько не стѣсняясь движеніемъ прохожихъ.

Центромъ базарной жизни каждаго города является главная площадь, называемая нарицательнымъ именемъ ригистанъ. Послѣ присоединенія Средней Азіи къ Россіи значеніе ригистана, какъ центральнаго мѣста общественно-политической жизни города упало, осталось только торговое.

А въ прежнее время жизнь кипѣла здѣсь ключомъ. Тутъ толпилась масса всякаго люда, узнавая новости и распоряженія своихъ властителей, слушая проповѣдь фанатиковъ-богослововъ; здѣсь совершались всенародно смертныя казни, справлялись праздники, окончанія войнъ; кипѣла торговля, были даже невольничьи рынки...

Вѣрную и сильную характеристику бухарскаго ригистана даетъ Е. Марковъ въ своей книгѣ «Россія въ Средней Азіи».

«Весь ригистанъ—одно сплошное лобное мѣсто, одинъ громадный эшафотъ. На немъ постоянно стояли висѣлищныя съ повѣшенными и желѣзные кольца съ натыканными на нихъ головами. А во дни войнъ Бухары съ киргизами, туркменами или коканцами тутъ же воздымались, какъ груды дешевыхъ арбузовъ, огромныя кучи гніющихъ череповъ—самые радостные для бухарца трофеи побѣды. Народъ такъ привыкъ къ ежедневному зрѣлищу убійствъ и казней, къ запаху человѣческой крови, что равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти давно знакомыя сцены и продолжалъ себѣ торговать, пить, ѣсть и весело болтать съ пріятелями, рядомъ съ какимъ-нибудь издыхающимъ оборванцемъ или обезглавленнымъ трупомъ».

Все-таки и теперь жизнь ригистана производитъ сильное впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, впервые погрузившагося въ пеструю движущуюся толпу людей, живущихъ каждымъ нервомъ своего существа.

Посѣщая ригистанъ въ разные дни и часы, можно ознакомиться съ различными типами, достаточно ярко характеризующими особенности средне-азіатской жизни.

Подъ сѣнью гордо высающихся на площади громаднѣхъ мечетей ютятся ремесленники. Около арки помѣщаются цирюльники; каждому изъ нихъ немного нужно мѣста, такъ какъ всѣ необходимые инструменты укладываются у него за поясомъ, было бы гдѣ только сѣсть кліенту; а послѣдній не замедлитъ явиться, вѣдь правовѣрнымъ полагается брить голову и подбривать усы. Тутъ же на площади есть цирюльники рангомъ повыше, владѣльцы собственныхъ помѣщений, по своимъ размѣрамъ едва ли не превышающихъ доб-

Лавка мѣдныхъ издѣлій въ Самаркандѣ.

рую голубятню. Туземные цирюльники сохранили свою архаическую, принадлежавшую, повидимому, цирюльникамъ всего міра специальность—они пускаютъ кровь и, кромѣ того, очень ловко выматываютъ на палочку ришту, червя, паразитирующаго подъ кожей туземцевъ.

Подъ сѣнью той же арки примостились сапожники, производящіе мелкія починки, пока ихъ заказчикъ въ ожиданіи толкается по площади. Тамъ и сямъ снуютъ разносчики воды, забирая ее въ протекающемъ по площади арыкѣ¹⁾; они на спинахъ таскаютъ полные бурдюки и поливаютъ изъ нихъ улицы.

На паперти мечети навѣрное привлечетъ ваше вниманіе группа туземцевъ, чинно разсѣвшихся четырехугольникомъ, оставивъ по срединѣ свободное пространство, въ углу котораго сидитъ почтенный

¹⁾ Арыкъ—оросительная канава.

узбекъ и, раскачиваясь впередъ и назадъ, читаетъ что-то своимъ слушателямъ. Это—чтецъ Корана. Поневолѣ обратишь вниманіе на такой порядокъ, поддерживаемый не усиліями полицейской власти, представленной узбекомъ-городовымъ, совсѣмъ затерявшимся среди пестрой толпы, а инстинктомъ туземцевъ, не измѣняющимъ себѣ даже и тогда, когда мѣсто монотоннаго чтеца занимаетъ туземный фокусникъ, приводящій своими немудрыми фокусами нетребовательную толпу въ дѣтскій восторгъ.

Въ другой день мѣсто фокусника занято проповѣдникомъ, съ жаромъ и жестикуляціей что-то говорящимъ толпѣ. Досадно на свое незнаніе языка, на то, что подобную картину приходится наблюдать только съ внѣшней стороны, не вникая въ ея смыслъ.

Самъ ригистанъ—это грандіозный обжорный рядъ со множествомъ чайныхъ лавокъ, харчевенъ, шашлычниковъ, немилосердно жарящихъ баранину, такъ что въ воздухѣ дымъ стоитъ коромысломъ, продавцовъ фруктовъ, овощей, хлѣба, сластей, разносчиковъ туземной пищи, которую покупатели ѣдятъ руками изъ той же посуды, въ которой ее продаютъ.

Въ толпѣ шныряютъ мальчики, предлагающіе за четверть копейки затынуться изъ кальяна, или проталкивается старикъ, за ту же ничтожную цѣну продающій холодную воду.

Среди общаго гула вырываются отдѣльные выкрики и не особенно стройное пѣніе кальяндарей—родъ монаховъ или дервишей. Въ базарные дни они приходятъ со своимъ начальникомъ на площадь и вторятъ пѣніемъ и движеніями его проповѣди. Толпа внимательно слушаетъ ихъ, и въ руки надрывающагося отъ крика проповѣдника въ изобиліи сыпятся таньги¹⁾.

Отойдѣмъ отъ этого шума и проберемъ въ болѣе тихую часть площади. На гостепріимной наперти мечети ютятся ловкіе дѣльцы, злоупотребляющіе довѣріемъ наивной толпы. Вы найдете здѣсь волхва, который, раскидывая костями или пользуясь какой-то книгой, даетъ, конечно, за соответствующую плату, совѣтъ, какъ поступить своему кліенту въ затруднительномъ для него случаѣ. Въ другомъ мѣстѣ передъ маленькимъ столикомъ сидитъ персъ. Онъ вырѣзываетъ печати на арабскомъ, персидскомъ, узбекскомъ и французскомъ языкахъ, продаетъ бирюзу и при случаѣ лечитъ больныхъ универсальнымъ способомъ, простотѣ котораго можетъ позавидовать любой врачъ. Къ персу подходитъ узбекъ и жалуется на свою болѣзнь. Тотъ внимательно выслушиваетъ его и, не задумываясь, пишетъ что-то на клочкѣ бумаги, которую затѣмъ складываетъ и ждетъ молча. Пациентъ мнется, потомъ вынимаетъ деньги, за которыя и получаетъ цѣлебную бумажку съ наказомъ приложить ее къ больному мѣсту. Репутація такого «врача» никогда не поко-

¹⁾ Серебряная монета въ 15 коп.

Проповѣдникъ на ригистанѣ въ Самаркандѣ.

Мясная лавка въ Самаркандѣ.

леблется. Если больной выздоровѣлъ—очевидно, что его вылечилъ врачъ; если нѣтъ—врачъ здѣсь ни при чемъ, ибо такова воля Аллаха.

Но у туземцевъ есть и болѣе научная медицина, представляемая въ лицѣ табибовъ, большею частью владѣльцевъ и аптекъ, гдѣ они продаютъ своимъ больнымъ лекарства. И въ ихъ дѣятельности немало шарлатанства, но все же такое леченіе болѣе полезно, чѣмъ пользование цѣлебными бумажками перса-рѣзчика печатей. Нѣкоторые табибы получаютъ свое медицинское образованіе въ школахъ Бухары и Персіи, другіе же ограничиваются тѣмъ, что добываютъ какую-нибудь медицинскую книгу на персидскомъ языкѣ и, пользуясь ею, открываютъ свою практику.

Я познакомился съ однимъ табибомъ и видѣлъ у него много современныхъ персидскихъ книгъ медицинскаго содержанія. Этотъ врачъ гордился тѣмъ, что умѣлъ щупать пульсъ, хотя я подозреваю, что это дѣлалось только для позы при фотографированіи, такъ какъ при обычномъ приѣмѣ больныхъ онъ ни разу его не изслѣдовалъ.

Мѣстная жизнь поразительна тѣмъ, что здѣсь можно добыть пропитаніе сравнительно ничтожнымъ заработкомъ и очень мелкой спеціальностью. Разноска кальяна, холодной воды, приготовленіе камышевыхъ зубочистокъ (на копейку 2—4 штуки) и тому подобныя занятія даютъ средства къ жизни старикамъ, а иногда и здоровеннымъ лѣнтяямъ. Но на ряду съ такимъ легкимъ заработкомъ пропитанія, которое, къ слову сказать, дешево, рѣзкимъ контрастомъ бросается въ глаза тяжелая физическая работа при томительной жарѣ, работа изъ-за куска хлѣба, выпадающая на долю другихъ туземцевъ. Недалеко отъ самаркандскаго ригистана есть одинъ закоулокъ, называемый желѣзными рядами. Днемъ здѣсь стоитъ адскій шумъ, стукъ, визгъ, такъ какъ ряды эти состоятъ изъ кузницъ. Многимъ онѣ, конечно, отличаются отъ нашихъ, но одно существенное важное отличіе заслуживаетъ особаго вниманія. Въ этихъ кузницахъ, между прочимъ, готовятъ желѣзные серпы. Ихъ сначала выковываютъ, а потомъ обтачиваютъ на маленькихъ точильныхъ станкахъ. Колесо послѣдняго надѣто на ось ближе къ одному ея концу, а ось закрѣплена въ низкой стойкѣ. На свободную часть оси намотанъ длинный ремень, концы котораго оставлены свободными. Мастеръ съ серпомъ садится передъ станкомъ, который приводится въ движеніе помѣщаемымъ напротивъ помощникомъ, потягивающимъ рукою то за одинъ, то за другой конецъ ремня. Работа этого помощника и заключается главнымъ образомъ въ движеніи колеса, что при мѣстной жарѣ является работой трудной и утомительной; нерѣдко для облегченія узбекъ работаетъ безъ рубашки, давая возможность наблюдать игру мускуловъ его бронзоваго тѣла.

Въ этой кипучей жизни, слабое представлѣніе о которой я пытался дать, принимаютъ участіе только мужчины. Женщина совершенно изъята изъ общественной жизни. Среди оживленной толпы промелькнетъ иногда ея фигура, обезображенная синимъ халатомъ, наброшеннымъ на голову, рукава котораго спускаются до земли и на концахъ сшиты другъ съ другомъ. Лицо закрыто черной сѣткой, сплетенной изъ конскихъ волосъ. Только въ подобномъ нарядѣ женщина и можетъ показаться на улицу.

Точильный станокъ кузнеца въ «желѣзныхъ рядахъ» Самарканда.

Закрываніе лица отъ постороннихъ мужчинъ есть обычай, но не требованіе закона, и въ горахъ Верхняго Зеравшана приходилось встрѣчаться съ различнымъ отношеніемъ женщинъ въ этомъ смыслѣ.

Бывали съ нами такіе случаи. Встрѣчаемъ на узкой дорогѣ горнаго жителя (таджика) съ семьей. Мужъ, завидя насъ, сводитъ съ осла жену, кладетъ ее подъ невысокій заборчикъ дороги и заслоняетъ ее отъ нашего взора. Въ другой разъ встрѣчаемъ менѣ ревнивую пару, и дѣло ограничивается тѣмъ, что таджичка отходитъ въ сторону и поворачивается къ намъ спиной. На слѣдующій день подобная же встрѣча, но женщина украдкой поглядываетъ на насъ

и, наконецъ, натолкнулись на такую смѣлую, что она не только не своротила съ дороги, но даже и не закрыла своего лица.

И въ городахъ не всѣ женщины ходятъ съ закрытыми лицами. Исключеніе составляютъ нищія и больныя проказой. Онѣ сидятъ по дорогѣ на выѣздахъ изъ города, близъ базарныхъ площадей, мечетей и собираютъ милостыню.

Интересно привести объективныя данныя, характеризующія отношеніе жены къ мужу, устанавливаемыя Кораномъ и шаріатомъ, религиозно-правственнымъ уложеніемъ мусульманъ.

Коранъ разрѣшаетъ многоженство, говоря такъ: «женитесь на сиротахъ жепскаго пола, какъ скоро онѣ нравятся вамъ,—на двухъ, на трехъ, на четырехъ, а если боитесь, что не можете равно быть правдивыми ко всѣмъ имъ, то только на одной... въ этомъ болѣе удобства не уклоняться отъ справедливости» (Коранъ 4, 3).

Каждая жена, по указанію шаріата, «имѣетъ право требовать отъ мужа пищу, платье, жилище, прислугу и деньги на расходы по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые въ употребленіи между прочими женщинами одного съ ней состоянія и званія».

«Полагается правиломъ, чтобы она (жена) не нуждалась въ необходимѣйшемъ, соображаясь всегда съ состояніемъ и званіемъ мужа и съ тѣми потребностями, которыми она всегда пользовалась» (шаріатъ).

Въ общемъ же «мужья стоятъ выше своихъ женъ, потому что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми и потому что они изъ своихъ имуществъ дѣлаютъ траты на нихъ» (Коранъ 4, 38).

Въ большинствѣ случаевъ узбеки имѣютъ одну жену, и, я думаю, причина тому не боязнъ быть не одинаково справедливыми по отношенію ко всѣмъ женамъ, а соображенія матеріальнаго свойства—трудность содержанія лишнихъ членовъ семьи.

На ригистанѣ обычно находятся наиболѣе красивыя мечети, въ которыхъ помѣщаются туземныя высшія учебныя заведенія (мадрасса). Такъ, самаркандскій ригистанъ съ трехъ сторонъ окруженъ грандіозными мадрасса: Ширъ-даръ, Тилля-кари и Улугъ-бекъ. Я не буду упоминать про красоту и величіе перваго, увѣковѣченнаго Верещагинымъ на его картинѣ «Торжествуютъ». На ней изображенъ кусокъ ригистана съ Ширъ-даромъ по заднему плану, а передъ послѣднимъ рядъ кольевъ съ головами русскихъ солдатъ—иллюстрація, какъ нельзя лучше подходящая къ выше приведенной характеристикѣ ригистана Е. Маркова.

Мадрасса Улугъ-бекъ, стоящая напротивъ Ширъ-дара, интересна помимо величія зданія и личностью своего основателя. Оно воздвигнуто просвѣщеннѣйшимъ эмиромъ Улугъ-бекомъ въ 1420 году, лично читавшимъ въ ней лекціи; четыре года спустя, онъ построилъ на берегу арыка Аб-и-Рахматъ на холмѣ Кухакъ астро-

Мадрасса Ширъ-даръ на ригистанъ Самаркандъ.

номическую обсерваторію, въ позапрошломъ году открытую мѣстнымъ археологомъ И. И. Вяткинымъ.

Туземный писатель Абу-Такиръ-Ходжа въ такихъ вычурныхъ выраженіяхъ описываетъ эту мадрасса: «о чудо! громада его (зданія) подобная горѣ твердо стоитъ, представляя остовъ, поддерживающій небеса. Величественный фасадъ его—по высотѣ двойня небесамъ. Отъ тяжести его (зданія) хребетъ земли приходитъ въ содроганіе. Могущественный Мастеръ карнизы (зданія) высочайшей степени высоты соединилъ въ одинъ образецъ съ сталактитовой работою небеснаго свода» (пер. И. Вяткина).

Основателя мадрасса постигла печальная участь. Сынъ его Абдуль-Лятифъ убилъ своего ученаго отца, но недолго провластвовалъ, такъ какъ и самъ черезъ полгода палъ отъ руки убійцы; голова его была отрѣзана и повѣшена на фронтонѣ мадрасса.

Отъ времени зданіе это, какъ и всѣ безъ исключенія памятники Средней Азій, сильно пострадало. Больше всего вреда причиняютъ частыя землетрясенія. Своды мадрасса и второй этажъ ея разрушены, отъ кафельной изразцовой облицовки фасада уцѣлѣли жалкіе остатки, свидѣтельствующіе о быломъ великолѣпіи этого зданія.

Къ его исторіи добавимъ, что въ іюнѣ 1868 года съ минаретовъ мадрасса стрѣляли по русскому отряду во время осады самаркандской цитадели, въ которой заперлась горсть русскихъ солдатъ.

Мадрасса строится обыкновенно по одному общему плану. Фасадъ зданія украшенъ аркой съ минаретами по бокамъ или безъ нихъ; несоразмѣрно маленькая дверь въ ней ведетъ на четырехугольный вымощенный дворъ, по срединѣ котораго имѣется небольшое кирпичное сооруженіе надъ колодцемъ—это «таарать-хана», служащее для омовеній. Со всѣхъ сторонъ дворъ окруженъ двумя этажами нишъ съ кельями («ходжра»), въ которыхъ живутъ обучающіеся здѣсь студенты. По срединѣ каждой стороны зданія, занятаго кельями, возвышается арка, размѣрами поменьше фасадной. Одна изъ нихъ предназначена для совершенія «намаза» (молитвы), подъ ними же читаетъ лекціи «мударисъ» (профессоръ), хотя для этой цѣли иногда служить и какая-нибудь большая келья.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ мадрасса.

Нѣкоторыя сооруженія отклоняются отъ подобнаго плана постройки. Исключеніе, напримѣръ, представляетъ мечеть Шахи-Зинда въ Самаркандѣ, при которой имѣется небольшое мадрасса.

Эта мечеть громадной лѣстницей-коридоромъ спускается по восточному склону пустынного урочища Афросіабъ, на которомъ во времена Александра Македонскаго находился городъ. Шахи-Зинда въ буквальномъ переводѣ значитъ живой царь. Съ этой мечетью связанъ рядъ преданій, объясняющихъ ея названіе. Воздвигнута эта мечеть въ честь двоюроднаго брата Магомета Куссамъ-Иль-Аббаса, насаждавшаго исламъ въ Трансоксаніи. Этотъ святой,

жившій въ пещерѣ на мѣстѣ теперешней мечети, помимо словесной проповѣди, пользовался также и мечомъ для обращенія непокорныхъ въ исламъ или уничтоженія ихъ.

Въ сочиненіи Абду-Рахмана «Ансабъ-нама» встрѣчаемъ такіа мѣста; «во вторую священную войну исламское войско одержало побѣду въ сраженіяхъ съ невѣрными и обратило ихъ въ бѣгство, завладѣло ихъ городами и подчинило ихъ. Всѣ невѣрные были осчастливлены приобщеніемъ къ исламу...»; «послѣ массы казней

Мадрасса Улугъ-бекъ на ригистанѣ Самарканда.

оставшееся населеніе мечомъ было обращено въ мусульманство» (перев. Ив. Вяткина).

Видя благіе результаты своей проповѣди, Куссамъ счелъ преслѣдуемую имъ цѣль достигнутой и однажды на глазахъ своихъ слушателей снялъ собственную голову съ плечъ и, держа ее въ рукахъ, удалился въ пещеру, гдѣ и будетъ оставаться до пришествія Іисуса Христа.

Такая легенда и послужила поводомъ къ названію мечети Шахи-Зинда—«живымъ царемъ».

Однако, какъ и о другихъ историческихъ личностяхъ отдаленныхъ вѣковъ, о Куссамѣ, точнѣе говоря о концѣ его жизни, существуютъ и другія преданія.

Въ томъ же сочиненіи Абду-Рахмана есть иныя версіи о кончинѣ Куссама. По одной ихъ нихъ, «тарсо» (христіане) напали на мусуль-

манъ, когда послѣдніе были на намазѣ и не могли оказать сопротивленія до его окончанія. На ряду съ другими былъ убитъ и Куссамъ. Однако авторъ оговаривается, что не всѣ историки придерживаются подобнаго взгляда. Одни полагаютъ, что «михрабъ» (возвышеніе въ мечети) раскололся подъ Куссамомъ и въ образовавшуюся щель святой благополучно успѣлъ скрыться; другіе утверждаютъ, что онъ, получивъ массу ранъ, бѣжалъ, достигъ колодца на Афросіабѣ и спрятался въ него.

Какъ бы то ни было, а болѣе распространеннымъ является мнѣніе, что Куссамъ скрылся подъ землю живымъ. Такому взгляду вполне соответствуетъ легенда, повѣствующая о временахъ Тамерлана, соорудившаго мечеть Шахи-Зинда въ половинѣ XIV столѣтія.

Возвратившись изъ одного удачнаго похода, «Желѣзный Хромецъ» сталъ совершать благодарственный «зіаратъ» (поклоненіе) на могилахъ почитаемыхъ святыхъ. Между прочимъ онъ пришелъ къ Шахи-зинда, гдѣ, стоя у колодца, куда скрылся Куссамъ-иль-Аббасъ, усомнился, дѣйствительно ли живъ этотъ святой. Присутствовавшіе богословы и старцы не могли разрѣшить сомнѣній своего властелина, который рѣшилъ все-таки добиться отвѣта на мучившій его вопросъ. Тамерланъ кликнулъ кличъ къ своему войску, вызывая желающаго спуститься за большое вознагражденіе въ колодець и разузнать, что такое тамъ дѣлается. Много было у него отчаянныхъ головорѣзовъ, но только одинъ, по имени Хида, дерзнулъ на такое святотатство, польстившись обѣщанными дарами, и спустился на дно колодца. Присмотрѣвшись къ темнотѣ, онъ увидѣлъ ходъ въ пещеру; войдя въ нее, Хида попалъ въ прекрасный дворецъ, по которому долго ходилъ, дивясь его сказочному убранству. Изъ дворца онъ вышелъ въ садъ и въ концѣ концовъ попалъ на лужайку, гдѣ было много народу въ бѣлыхъ и зеленыхъ одеждахъ, а вдали на возвышеніи сидѣли три почтенныхъ старца. Хида струсилъ, такъ какъ его присутствіе произвело нѣкоторое волненіе среди бывшихъ на лужайкѣ людей. Подойдя къ стоявшему вблизи человѣку, Хида полюбопытствовалъ, что это за народъ. Тотъ ему объяснилъ, что люди—это души умершихъ и еще не родившихся, а старцы на возвышеніи—пророки Куссамъ, Хызыръ и Ильясъ. Куссаму доложили о прибытіи совершенно посторонняго человѣка. Разгнѣванный дерзкимъ посѣщеніемъ, пророкъ потребовалъ къ себѣ окончательно перетрусившаго Хиду, который, желая оправдаться въ глазахъ Куссама, прибѣгъ ко лжи, сказавъ, что Тамерланъ насильно заставилъ его сойти въ колодець. Не разсчитавъ Хида, что своею ложью, о которой пророкъ, конечно, тутъ же узналъ, еще больше повредитъ себѣ. Куссамъ положилъ такое наказаніе Тамерлану за его праздное любопытство: всю землю онъ завоюетъ, не овладѣетъ только Китаемъ; Хидѣ же при-

казаль молчать о видѣнномъ и слышанномъ подъ угрозой лишенія навсегда зрѣнія и перехода слѣпоты на все его потомство.

Ни живъ, ни мертвъ выбрался послѣдній изъ колодца на землю, гдѣ съ нетерпѣніемъ его ждалъ Тамерланъ. На всѣ разспросы Хида отвѣчалъ, что ничего не видѣлъ; но трудно было удовлетворить такимъ отвѣтомъ хана, тѣмъ болѣе, что и внѣшній видъ Хиды говорилъ о чемъ-то серьезномъ, имъ пережитомъ. Тамерланъ при-

Входъ въ мечеть Шахи-зинда. Самаркандъ.

грозилъ ему смертію за молчаніе. Зная, что у его повелителя отъ слова до дѣла было очень не далеко, Хида, очутившись между двухъ огней, принужденъ былъ открыть причину своего молчанія—боязнь ослѣпнуть. Однако это не остановило Тамерлана, и онъ приказалъ воину все рассказать, предлагая ему въ вознагражденіе за слѣпоту столько земли, сколько онъ объѣдетъ верхомъ на лошади за день, и обѣщаясь выстроить мадрасса Хоразми (мадрасса слѣпыхъ) для потомковъ Хиды, гдѣ они могли бы изучать Коранъ.

Хидѣ не было иного выхода, какъ согласиться на условія Тамерлана. На утро онъ сталъ объѣзжать землю, но, увлекшись

жадностью, не могъ сомкнуть къ заката солнца объѣзжаемаго имъ круга. На другой день онъ разсказалъ все, что видѣлъ, и тотчасъ же послѣ разсказа ослѣпъ.

Тамерланъ сдержалъ свое слово, и построилъ обѣщанную мадрасса. И теперь еще есть въ Самаркандѣ мадрасса Хоразми, гдѣ живутъ слѣпые и учатъ Коранъ; но дѣйствительно ли это мадрасса времени Тамерлана и то ли оно, про которое говорится въ приведенной легендѣ, мнѣ точно узнать не пришлось.

У туземцевъ Средней Азій, въ частности Самаркандской области много такъ называемыхъ мазаровъ, т. е. могилъ святыхъ. Внѣшними ихъ признаками являются конскій хвостъ и знамена (попросту куски различныхъ матерій), водруженные у каменной надмогильной кладки.

Нѣкоторые мазары пользуются извѣстностью, далеко выходящей за предѣлы округи города или мѣста, гдѣ похороненъ святой. Съ другими мазарами, т. е. съ лицами, погребенными подъ ними, связаны различныя сказанія, неукоснительно передаваемые потомству. Напримѣръ, въ Самаркандѣ на кладбищѣ Джотаръ-диза находится могила шейха Абдуль-Мансура Мотыриди, о которомъ, между прочимъ, упоминаетъ туземный писатель Абу-Такиръ-ходжа въ своемъ сочиненіи «Самарія». Шейхъ Мотыридь обладалъ способностью творить чудеса. Такъ, онъ иногда ходилъ по кварталамъ еврейскаго города, и кричалъ: «покайтесь или умрите!» Кто не обращался по его призыву въ мусульманство, тотъ мгновенно умиралъ на мѣстѣ. Однажды онъ потрясъ въ мартѣ мѣсяцѣ на глазахъ своихъ слушателей абрикосовое дерево, и оно тотчасъ покрылось плодами. Этотъ святой отличался большимъ смиреніемъ и терпѣливо переносилъ тѣ побои, которыми награждала его не въ мѣру сварливая и свѣдравная жена.

И послѣ смерти «духовная помощь шейха въ удовлетвореніи желаній обращающихся съ молитвою извѣстна».

И теперь еще пользуется большимъ почитаніемъ мазаръ Куссамъ-ибнъ-Аббаса въ мечети Шахи-Зинда. «Государи прахомъ этого священнаго мѣста мазали глаза свои и открывали взоръ на лицо вѣчнаго царства и постоянного счастія. Опытномъ дознано, что каждый, кто безъ страха и нечистый, изъ дальнихъ или ближнихъ мѣстъ имѣлъ дерзость приближаться къ мазару, Всевышній Господь такого человѣка въ короткое время уничтожалъ, показывая снова чудеса сподвижниковъ Своего посланника» (Самарія, перев. И. Вяткина).

Не мало есть и никому не извѣстныхъ мазаровъ, часто возникающихъ безо всякаго повода, единственно по фантазіи какого-нибудь узбека, вздумавшаго сложить изъ камней надгробіе, водрузить конскій хвостъ и кусокъ матеріи, создавая тѣмъ всѣ внѣшніе

Внутренность мечети Шахи-зинда въ Самаркандѣ.

атрибуты святого мѣста. Неудивительно, что ко многимъ маза-рамъ, въ особенности позднѣйшаго происхожденія, сами туземцы относятся довольно-таки скептически.

Въ каждой, даже глухой деревушкѣ Самаркандской области при мечети есть низшая туземная школа (мактабъ); въ городахъ же ихъ имѣется по нѣскольку, при чемъ помѣщаются онѣ обыкновенно при кварталныхъ мечетяхъ. Число такихъ школъ въ области за десятилѣтній періодъ (1896—1906 гг.) колебалось отъ 1300—2196 при 10363—17551 учащихся.

Въ мактабѣ, гдѣ занятія идутъ въ теченіе цѣлаго дня, дѣти знако-мятся съ арабской азбукой, по усвоеніи которой вызубриваютъ такъ называемый абджадъ—слоги изъ гласныхъ буквъ, соединен-ныхъ другъ съ другомъ въ числовомъ отношеніи, и уже послѣ всего

этого приступаютъ къ чтенію Корана, что и составляетъ главную цѣль школы. За Кораномъ слѣдуетъ книга «чахоръ-китабъ», въ которой излагаются основы магометанскаго вѣроученія; по усвоеніи ея ученики прочитываютъ кое-что изъ персидскихъ поэтовъ Хафиза, Навои и др. Помимо этихъ книжныхъ свѣдѣній, учитель преподаетъ и религіозно-практическія, напримѣръ, объ омовеніи, намазѣ (молитвѣ) и т. п.

Если ко всему прибавить срисовываніе арабскихъ буквъ, то этимъ исчерпывается программа мактаба.

Центръ тяжести всего обученія лежитъ въ достиженіи умѣнья читать Коранъ. Послѣдній написанъ на корейшитскомъ нарѣчій арабскаго языка съ примѣсю словъ еврейскихъ, греческихъ и сирийскихъ, не говоря уже о множествѣ грамматическихъ неправильностей, что, однако, не помѣшало Магомету провозгласить корейшитское нарѣчіе правильнымъ арабскимъ языкомъ. Переводъ Корана на другіе языки не принятъ, и мусульмане, въ частности жители Самаркандской области, пользуются арабскимъ текстомъ.

Дѣтямъ при чтеніи Корана не объясняютъ значенія арабскихъ словъ, да и самъ учитель въ большинствѣ случаевъ ихъ не понимаетъ. Благодаря этому, обученіе носить чисто механическій характеръ, чѣмъ, однако, нисколько не смущаются ни учащіе, ни учащіяся, такъ какъ самый процессъ чтенія Корана является уже дѣломъ богоугоднымъ, пониманія же его не требуется.

«Все значеніе школы заключается только въ томъ, что она одобряется обычаемъ и носить религіозный оттѣнокъ... Отдавать дѣтей въ школу такъ же одобряется, какъ ходить въ мечеть, раздавать милостыню и т. п., ибо за это будетъ награда на небесахъ. Ходить въ школу для мальчиковъ такъ же похвально, какъ для стариковъ сидѣть около мечети, ибо и то, и другое означаетъ ихъ приверженность къ религіи и хорошую нравственность».

Высшее образованіе туземцы получаютъ въ мадрасса, которыя можно приравнять нашимъ семинаріямъ или университетамъ. За тотъ же десятилѣтній періодъ количество ихъ колебалось отъ 84 до 91 при 1048—4776 учащихся. Мадрасса обыкновенно являются продуктомъ частной благотворительности. Если кто-нибудь желаетъ сдѣлать угодное религіи дѣло, то жертвуетъ движимое или недвижимое имущество съ тѣмъ, чтобы на доходъ съ него строилась и существовала мадрасса, нерѣдко получающая имя своего устроителя. Пожертвованное имущество—вакуфъ—закрѣпляется своего рода нотаріальнымъ актомъ—вакуфной грамотой. На доходъ съ вакуфа поддерживается зданіе мадрасса, содержится профессоръ ея (мударисъ), получаютъ стипендіи студенты, живущіе въ томъ же помѣщеніи. Распоряженіе деньгами и всѣ хозяйственныя заботы сосредоточены въ рукахъ спеціальнаго лица—мутавалли, выборъ котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣляется вакуфодателемъ;

Мадрасса Хоразмй (слѣпыхъ) въ Самаркандѣ.

напримѣръ, послѣдній можетъ обусловить, чтобы мутавалли выбирался изъ его потомства или родственниковъ.

Въ мадрасса хозяйственная часть рѣзко отграничена отъ учебной, и мударисъ и мутавали не касаются сферъ дѣятельности другъ друга.

Курсъ начинается изученіемъ мусульманскаго катехизиса на персидскомъ языкѣ, потомъ переходятъ къ арабской грамматикѣ, послѣ которой студенту предстоитъ выборъ между двумя «факультетами» — общеобразовательнымъ и юридическимъ. Программа перваго обширна, въ кругъ наукъ его входятъ логика съ комментаріями, догматика, діалектика, метафизика съ космографіей, богословіе, свѣдѣнія о Коранѣ, каноническія преданія, комментаріи къ Корану и др.

На юридическомъ отдѣленіи изучаютъ религіозное и государственное право съ нѣкоторыми близкими къ нимъ науками.

О географіи, несмотря на существованіе въ Персіи болѣе или менѣе научно написанныхъ учебниковъ, преподаютъ фантастическія свѣдѣнія. Такъ, по словамъ Наливкина, о землѣ учатъ, что она есть плоскость, окруженная со всѣхъ сторонъ горами Капъ, населенными сказочными существами — полулюдьми, полуптицами. Серьезно вѣрятъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ земли живутъ люди съ медвѣжьими головами и произрастаютъ деревья съ живыми скорпіонами вмѣсто плодовъ.

Интересно отмѣтить отношеніе къ математикѣ, носящей названіе фараизъ, т. е. наука о раздѣлѣ наслѣдства; ее изучаютъ примѣнительно къ наслѣдственному праву и дальше четырехъ начальныхъ дѣйствій не идутъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ та программа, которая проходится въ мадрасса. Нужно замѣтить, что науки эти изучаются (точнѣе сказать — вызываются) по одной въ определенной послѣдовательности.

Образованіе, даваемое такою высшею школою, не оказываетъ никакого развивающаго дѣйствія на студента. Причина лежитъ въ томъ, что религія, налагая свою властную руку на различныя стороны жизни, парализуетъ прогрессъ мысли, предписывая держаться нормъ, установленныхъ для нея цѣлые вѣка тому назадъ. Ренанъ говоритъ, что «какъ религія, исламизмъ имѣетъ свои прекрасныя стороны, но, какъ разумъ человѣческій, исламизмъ принесть всѣмъ одинъ только вредъ... Теперь существенная черта мусульманина — это убѣжденіе, что пытливость бесполезна, противна благочестію. Съ этой точки зрѣнія богохульной является наука о природѣ, потому что она составляетъ какъ бы борьбу съ Богомъ; богохульной является и исторія, ибо, изучая времена до возникновенія исламизма, она можетъ воскресить старыя заблужденія».

Вѣковой застой мысли, подавленность и порабощенность ума религіей, воспріятіе кучи свѣдѣній безъ малѣйшей здоровой ихъ критики, убѣжденіе въ важности и непреложности получаемыхъ знаній, наконецъ отношеніе къ послѣднимъ, какъ къ единой истинѣ, все это въ совокупности кладетъ неизгладимый отпечатокъ на студента, начинившагося подобной наукой. Нѣкоторые изъ старожиловъ

Моленіе узбековъ въ мечети Ходжа-Ахраръ. Самаркандъ.

Туркестанскаго края, постоянно сталкивающіеся по характеру своей службы съ узбеками, передавали мнѣ свое впечатлѣніе, что туземецъ, получившій высшее образованіе, казался болѣе тупымъ, чѣмъ совсѣмъ необразованный.

Что же сдѣлали русскіе въ дѣлѣ образованія, послѣ присоединенія края къ метрополіи. Исходя изъ взгляда, что «сліяніе, ассимиляція присоединеннаго края съ метрополіей здѣсь само собой

подразумѣваются» («Туркест. Вѣд.» 1895 г., № 1), прежде всего были сдѣланы попытки распространенія среди туземцевъ русскаго языка, элементарныхъ свѣдѣній по письму, чтенію и ариѳметикѣ. Для дѣтей открылись русско-туземныя школы, а для взрослыхъ при нихъ же и вечерніе курсы. Однако при возникновеніи этихъ школъ среди туземцевъ стали распространяться слухи, что школы устраиваютъ съ цѣлью брать туземцевъ въ солдаты и крестить ихъ дѣтей. Нему-дрено, что при такихъ условіяхъ школы посѣщались только дѣтьми лицъ должностныхъ да свыкшихся съ новыми условіями жизни нѣкоторыхъ городскихъ туземцевъ.

Для прекращенія слуховъ, ходившихъ между кореннымъ населеніемъ, генераль-губернаторъ Розенбахъ рѣшилъ прибавить къ программѣ школы преподаваніе мусульманскаго закона Божія туземцамъ же. Однако, несмотря на такое нововведеніе, туземныя школы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не внушали къ себѣ симпатій, благодаря своему слишкомъ форсированному открытію. Примѣръ тому даетъ Остроумовъ. Желаніе главнаго начальника края генераль-адъютанта Розенбаха провести возможно шире въ жизнь свой взглядъ на образованіе туземцевъ оказывало давленіе на администрацію, и одинъ уѣздный начальникъ проявилъ свое чрезмѣрное усердіе, открывая школы тамъ, гдѣ это было преждевременно. Школы эти были заполнены дѣтьми бѣдняковъ, нанятыми за деньги, а послѣднія собирались съ народа въ видѣ новой негласной подати «школь-пули». (Остроумовъ. Сарты. Стр. 184).

Въ другихъ мѣстахъ дѣтей собирали въ школу черезъ посредство волостныхъ управителей.

Конечно, такіе способы распространенія просвѣщенія среди мусульманъ едва ли могли вызвать къ себѣ симпатію, приверженность, стремленіе послѣднихъ, и нѣкоторыя изъ школъ, открытыхъ и поддерживаемыхъ способами, подобными вышеприведеннымъ, должны были въ скоромъ времени покончить свое кратковременное существованіе.

Индифферентное отношеніе жителей къ русско-туземной школѣ, конечно, было замѣчено администраціей, и послѣдняя вводила новыя мѣры воздѣйствія на туземцевъ, въ смыслѣ побужденія ихъ къ изученію русскаго языка. Генераль-губернаторъ Вревскій въ циркулярѣ 1891 года писалъ: «Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и почувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя общаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе среднеазиатской окраины съ русской народностью и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не при-

водитъ къ желательной цѣли: дѣти, поступая въ ученіе не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему побужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соответствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства».

Въ видѣ мѣры воздѣйствія на туземцевъ въ желательномъ направленіи циркуляръ предписывалъ дальше избирать и назначать на всякія должности туземцевъ, знающихъ русскій языкъ, далѣе—употреблять русскій языкъ не только при отправленіи служебныхъ обязанностей, но и при другихъ занятіяхъ и службахъ.

Начальная школа (мактабъ) въ кишлакѣ (деревнѣ) Бачій-баянъ близъ Самарканда.

Обратимся къ нѣсколькимъ цифровымъ даннымъ, касающимся русско-туземнаго образованія края. Въ 1887 году во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края туземцевъ было 600 человекъ, въ 1901 г.,—2392 ¹⁾, за 14 лѣтъ количество учащихся увеличилось почти въ 4 раза. Въ Самаркандской же области въ 1887 году было 4 русско-туземныхъ школы съ 48 учащимися (учащихся въ туземныхъ школахъ было 23519), а въ 1906 году 12 школъ съ 330 учащимися и 263 слушателями вечернихъ курсовъ (учащихся въ туземныхъ заведеніяхъ было 18506—4776). За 17 лѣтъ цифры показываютъ нѣкоторый прогрессъ, но обратная сторона этихъ данныхъ нѣсколько умаляетъ ихъ значеніе.

¹⁾ Количество же мусульманъ, учившихся въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, 79588.

Дѣло въ томъ, что по отзыву учебной инспекціи вечерніе курсы посѣщаются туземными неаккуратно и большинство послѣднихъ прекращаетъ занятія по приобрѣтеніи самыхъ ограниченныхъ познаній въ чтеніи и письмѣ. Такъ, въ 1897 году выбыло до приобрѣтенія достаточнаго навыка въ чтеніи и письмѣ 99 человѣкъ изъ числа 255, обучавшихся въ школахъ (137 чел.) и на курсахъ (118 чел.). Тор-мозять дѣло также и значительные пропуски уроковъ учащимися, напр., въ 1899 году 128 человѣкъ слушателей вечернихъ курсовъ пропустили 3594 урока.

Въ общемъ же дѣло русско-туземнаго образованія подвигается впередъ медленно, и, мнѣ кажется, Е. Марковъ, вполне правъ, говоря, что «мусульманство такъ радикально противоположно христіанству въ своихъ внутреннихъ стремленіяхъ, что соединить въ одной школѣ муллу и русскаго учителя—задача едва ли не безнадежная. Мулла и его священныя книги во всякомъ случаѣ одо-лбютъ учителя и его азбуку. Мулла въ глазахъ учениковъ—сартовъ всегда будетъ главнымъ и настоящимъ учителемъ ихъ и единствен-нымъ хозяиномъ школы. Муллу поддерживаетъ и почитаетъ весь окружающій ихъ міръ, отцы и братья ихъ, а русскій учитель является жалкимъ, отъ всѣхъ отверженнымъ пришельцемъ, котораго терпятъ только изъ горькой необходимости подъ страхомъ строгой кары».

Е. Н. Павловскій.

